

© 2014 г. А. А. СЕМЕНЧУК

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ХРОНИКИ МАЦЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО

Статья посвящена изучению источников «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» Мацея Стрыйковского, а именно произведений Мацея Меховского и Мартина Кромера. Они были основными информаторами Стрыйковского наряду с Мартином Бельским, Сигизмундом Герберштейном, Йостом Людвиком Дэцием и др. В статье анализируется рукопись Эдмунда Пушчинского, находящаяся в Библиотеке ПАН в Кракове.

The article is dedicated to the analysis of sources for Maciej Strykowski's «Chronicle of Polish, Lithuanian, Samogitian and the whole of Rus», namely the work of Maciej Miechowita and Marcin Kromer. They were principal informers of Strykowski along with Marcin Bielski, Sigismund von Herberstein, Jost Ludwig Dietz and others. The article considers the manuscript of Edmund Puszczyński, which is preserved in the Library of the Polish Academy of Sciences in Cracow.

Ключевые слова: польские хроники, белорусско-литовские летописи, исторические источники, Великое княжество Литовское, М. Стрыйковский.

О Мацее Стрыйковском написано много. Интерес к его личности и творчеству возник, кажется, сразу же после его смерти, которая наступила приблизительно в 1593 г. [1]. «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси» [2–4]¹ многочисленные историки начали компилировать после ее выхода в свет в 1582 г. в Королевце (Кенигсберг). Ранее был опубликован другой обширный труд М. Стрыйковского «*Sarmatiae Europaeae descriptio*» (Cracovia 1578) под фамилией его непосредственного начальника в витебском гарнизоне итальянца Александра Гванини (Gwagnin, Gvanini) [5]. Стрыйковский неоднократно публично обвинял своего командира в плагиате [3. С. XV, XXX, XXXIX, XLIII, 83, 245], однако историографическая традиция до сих пор приписывает вышеупомянутый труд перу итальянца. В соответствии с «Привилегией Его Милости Короля, на эти книги данной под закладом 600 червонных золотых, кто бы их смел без воли автора до десяти лет во всех странах Королевства Польского и Великого Княжества Литовского печатать...» среди прочих произведений Стрыйковский закрепил за собой «авторские права» и на «*Librum De Sarmatia Europea latine conscriptum...*» [3. С. XXX]. Эта работа вместе с другими хрониками Стрыйковского [6], а также Бельского и Кромера послужила толчком к созданию многочисленных исторических компиляций и переводов на разные языки, в том числе на русский [7–11].

Семенчук Альбина Александровна – канд. ист. наук, доцент Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

¹ Далее ссылки на издание «Польской хроники» Мацея Стрыйковского, подготовленное Николаем Малиновским в 1846 г. [3–4].

Личность и жизненный путь известного историка и авантюриста XVI в. Мацея Стрыйковского в данной статье затронуты лишь по необходимости, поскольку основные вехи его биографии содержатся в двух специальных монографиях [12–13] и нескольких статьях [14–28]. Значительно меньше внимания уделялось критическому анализу сообщений, изложенных в различных трудах Стрыйковского. Пожалуй, наиболее глубоко исследовали известия хроники Стрыйковского А.И. Рогов [29–32] и Н.Н. Улащик [33]. Хотелось бы обратить внимание на некоторые менее известные аспекты стрыйковианы.

Интерес к творческому наследию историка возрастает, несмотря на критическое отношение к нему исследователей XIX и XX в. Это связано не столько с проведением более глубокого анализа произведений, сколько с привлечением к изучению стрыйковианы более широкого круга исследователей из стран, считающих себя наследницами культуры и исторического прошлого Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой [25–26; 32–39].

Осмелюсь утверждать, что Стрыйковский был родоначальником научной традиции в историографии истории ВКЛ. Одновременно его труды являются важными источниками по истории Белоруссии, Украины, Литвы, России и других стран. Необходимо различать эти два аспекта в творческом наследии Стрыйковского.

Как современник событий, он запечатлел многие явления общественной жизни своего времени, в том числе открыл множество новых исторических источников. Ввел в научный оборот, «озвучил» важные идеи и мысли, волновавшие современников, тем самым сделав свои произведения источником знаний по истории, культуре, в том числе религии, этнологии и культурной антропологии. Заслуживают ли доверия сообщения Стрыйковского, мы можем понять лишь сопоставив их с информацией из других источников.

В 1574 г. в Кракове М. Стрыйковский опубликовал историко-морализаторское сочинение «*Goniec snoty do prawych szlachciców*» («Гонец добродетели»), в котором выработал свою историографическую концепцию, развитую впоследствии в работах «О началах...» и «Польская хроника». В двух словах квинтэссенцию его позиции можно определить как попытку примирить и собрать воедино историографические концепции ВКЛ и Польского королевства с целью создания нового образа исторического прошлого унифицированной Речи Посполитой.

Такой огромный проект, как написание и издание «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» можно было предпринять только заручившись поддержкой известных и влиятельных людей. Белорусские и литовские магнаты и пань (Ходкевичи, Олельковичи-Слущкие, епископ Мельхиор Гедройць и др.), выступили в роли меценатов молодого историка [16]. Не исключено, что именно они вдохновили Стрыйковского на это сложное предприятие (сначала, по его словам, он просто собирался перевести на польский язык хронику М. Кромера [6. S. 589] или Я. Длугоша [3. S. XV]). Несмотря на то, что они принадлежали к разным «политическим партиям», влияние каждого из них на идеологию Стрыйковского, как подчеркивал Ю. Бардах, не было исключительным и абсолютным [16. S. 68–70]. Всем содержанием хроники Стрыйковский укреплял позиции литовских магнатов и шляхты, которые после Люблинской унии старались подчеркнуть свое важное значение в унифицированном государстве. Особенности формирования идеологии Стрыйковского следует учитывать при источниковедческом анализе трудов историка. Поверхностное их прочтение в XIX–XX вв. приводило к утверждениям, что он был фантазером и компилятором.

Труды Стрыйковского действительно можно использовать как источники только с большой осторожностью. Их источниковедческую информацию можно разделить на несколько категорий, исходя из оригинальности сообщений. 1) Будучи очевидцем важных событий, либо получая информацию о них из первых уст, Стрыйковский излагал ее в своих произведениях, что отчасти делает их аутен-

тичным источником. 2) Некоторые исторические источники сохранились лишь в пересказе либо дословном изложении Стрыйковского (хроника типа Быховца, другие летописные сообщения), иные, из известных сегодня, Стрыйковский впервые ввел в научный оборот («Хроника Прусской земли» Петра Дуйсбурга и др.), что также повышает рейтинг хроники среди подобных произведений. 3) В целом Стрыйковский строил свои произведения на информации восточнославянских летописцев и польских хронистов, поэтому необходимо проверять степень их достоверности и адекватность изложения. 4) В сочинениях Стрыйковского присутствует также огромный массив информации, относящийся к проблемам этногенеза различных народов, который следует рассматривать как научные теории того времени либо легендарные представления. Они, однако, также требуют глубокого источниковедческого анализа, поскольку несут в себе, как показал А.С. Мыльников [40–41], а затем его ученик Д. Карнаухов [42], реальную научную информацию XVI в.

Следует вспомнить, что в это время представляла собой историография ВКЛ. В основном это были летописи еще древнерусского происхождения, либо так называемые белорусско-литовские летописи (конец XIV–XVI вв.), которые в огромном количестве можно было найти при дворах магнатов, монастырях по всей стране в виде рукописных списков [43. С. 113–114, 116–124]. К этим источникам в первую очередь и обратился Стрыйковский в поисках исторической правды о прошлом ВКЛ, но вскоре понял, что ему не обойтись без польских и немецких хроник, а также иных источников, поскольку древние летописи либо очень сухо передавали информацию, либо вообще ее искажали. Намерения историка сначала были более скромными, как он сам писал, «однако случай распорядился иначе» [6. S. 589].

Остановимся на источниках, которыми пользовался Мацей Стрыйковский.

Еще Д. Браун писал о «Польской хронике» Стрыйковского как о важном историческом источнике, сожалея, что она не переиздавалась [44. S. 36]. Задумавшись, что позволило ему так утверждать. Собственные наблюдения и исследования, подтвержденные другими источниками, документы, хроники, летописи, которые сохранились до наших дней исключительно в изложении Стрыйковского, свидетельствуют о нем как о правдивом информаторе. Но любая информация, содержащаяся в «Польской хронике», может быть признана достоверной при условии ясности вопроса об источниковой базе и способов анализа. Современный по тем временам метод работы хрониста с источниками облегчает поиски его конкретных информаторов: он использовал систему ссылок на полях. Но проблема состоит в том, что из 128 информаторов [3. S. II; 45. S. 112–126], которых он указывает в списке в начале «Польской хроники», работы некоторых он вообще не использовал, а иные не попали в его список.

Первым начал собирать и сравнивать источники Стрыйковского (белорусско-литовские летописи) Игнат Данилович [28]. Чем больше он их находил, тем более убеждался, что «прекрасная его работа тогда только будет важна для критического использования, когда все источники, из которых он черпал свои известия, будут проверены, их аутентичность доказана и с очевидностью показанные, они смогут служить поискам правды. Чем более подобных источников соберется, ближайших по времени, месту и событиям, проверенных в принципах и духе своем» [46. S. 5–6], тем полнее мы сможем использовать сочинения Стрыйковского.

Обратимся к такой важной категории исследований о творчестве Стрыйковского и, в частности, о его хронике, как критические анализы. Тут следует отметить, что традиция критических исследований сочинений древних авторов в польской историографии была заложена в XIX в. Так называемые *rozbiory krytyczne* сочинений Я. Длугоша [47], М. Меховского [48], М. Кромера [49], Б. Ваповского [50] и других составляют основу их источниковедческого анализа, а также ис-

торических реконструкций. Корректный научный анализ, скажем, «Истории» Я. Длугоша, проведенный редакторами последнего издания, позволил проверить каждую информацию «отца польской истории» на предмет ее происхождения и достоверности.

Источниками информации хроники Стрыйковского интересовался Юзеф Игнатий Крашевский [51. S. 23–140]. В библиотеке Львовского университета находится рукопись под названием «Strykowski i jego Kronika, krytycznie obejrzana do roku 1316 przez J.I. Kraszewskiego», в которой Крашевский сетует, что хронику Стрыйковского «практически невозможно использовать, а также без крайней необходимости прочитать». В монографии «Wilno od początków jego do roku 1750» («Вильно от его начала до 1750 г.») он обещал сделать ее критический анализ и сдержал свое обещание, о чем проинформировал Е. Барвинский в статье «Из неопубликованных автографов Ю.И. Крашевского» [52]. «Он (критический анализ. – А.С.) имеет важное для науки значение» и «никто из исследователей истории Литвы, особенно занимающийся Стрыйковским, не может его обойти вниманием, обязан к нему обратиться», – считал Барвинский. Крашевский даже собирался издать свое исследование, о чем свидетельствует надпись на манускрипте «Lwów nakładem Kajetana Jabłońskiego 1845». Вводная часть о Стрыйковском и его хронике (с. 9–118 рукописи) известна из опубликованной монографии о Вильне [53. S. 417–477]. Крашевский сравнивал хронику Стрыйковского с сочинениями Длугоша, Ваповского, Бельского. Однако эта работа с научной точки зрения сегодня устарела, поскольку Крашевский еще не знал многих источников хроники, которые были открыты позже. Знаменитый писатель слишком рано взялся за такую фундаментальную работу, как критический анализ хроники Стрыйковского. Видимо, осознавая это, он воздержался от публикации исследования, поскольку в 1846 г. вышло новое издание хроники Стрыйковского с фундаментальными статьями Малиновского и Даниловича, и в этом же году Теодором Нарбутом была опубликована «Хроника Быховца».

В свое время А.И. Рогов, а также Н.Н. Улащик занимались анализом сообщений Стрыйковского, взятых из рукописных летописей. Рогов пришел к выводу, что историк располагал не только известными сегодня летописями, но и какими-то другими, «в составе которых были более подробные известия по истории западнорусской земли, летописи, основанные, очевидно, на каких-то записках, которые велись в городах Западной Руси» [29. С. 128–129]. Он доказал, что Стрыйковский имел несколько летописей типа Быховца, а также посвятил несколько работ проблематике распространения сочинений Стрыйковского в России и на Украине [30. С. 145–147; 32. С. 311–329].

По мнению Улащика, историю ВКЛ Стрыйковский писал главным образом основываясь на летописях. Галицко-литовская война 1252–1254 гг. была описана на основе Ипатьевской летописи, также как известия о Миндовге и Войшелке конца 50-х – начала 60-х годов XIII в. Безусловно, Стрыйковский критически сравнивал их с известиями Длугоша, Кромера, Меховского, Бельского, Ваповского. Например, о том, что Брячеслав Изяславович, племянник Ярослава Владимировича, восстал против дяди и взял Новгород Великий, Стрыйковский пишет в V книге, раздел II, отмечая, что «этого в русской летописи нет, только у Длугоша и Меховского folii 25». Передавая речь Святослава перед дружиной, уточняет: «Такую речь Святослава Herberstein fol.5 de rebus Moschoviticus списал из старой московской хроники, которой и я имею экземпляр» [3. S. 122]. Как подсчитал Улащик, в тексте и на полях хроники Стрыйковский поместил около 200 ссылок на летописи, которые он использовал [33. С. 82–83].

Литовские исследователи Р. Батура, М. Ючас, А. Янинас, В. Заборскайте, Д. Куолис и другие также делали попытки исследовать источниковедческую базу хроники Стрыйковского [36–37; 73–75].

Отдельные источники Стрыйковского интересовали З. Войтковяка, Ю. Радзишевскую, а также московских исследователей Д. Александрова и Д. Володихина. Войтковяк в конце монографии поместил аннекс «Частота использования Стрыйковским летописных сводов», где он называет всех информаторов хрониста, а также анонимные источники. Ранее в статье «Стародавний историк, старий коментарий – забытые источники Стрыйковского» [76] Войтковяк проанализировал специфический источник его работы «О началах...» [6. S. 149], который касался вопроса этногенеза европейских народов. Войтковяк видел в этом произведении «неизвестные нам сочинения, возникшие, вероятно, в польской историографической среде после Кревской унии», связанные с Великой Хроникой, возможно, с работой Яна из Домбровки, создателя летописного сборника XV в. [76. S. 351, 356]. Исследователь обратил внимание на творческий и научный метод нашего хрониста, источниковедческие поиски которого иногда просто восхищают, как, например, в случае со «старым комментарием о Литве» некоего Иеронима [77. S. 353; 78], который Стрыйковский получил от «доктора Серпца» [6. S. 75].

Ю. Радзишевская в монографии «Мацей Стрыйковский – историк-поэт эпохи Возрождения» приводит авторов и произведения, названные в двух последних работах хрониста [12. S. 130–139], а также его заимствования из Меховиты и Кромера в работе «О началах...» [12. S. 158–161]. Автора интересовало также отношение сочинений Стрыйковского к Ольшевскому кодексу и «Хронике Быховца» (в ранней работе она даже приписывала последнюю перу Стрыйковского [78. S. 78–81]). Несмотря на отсутствие критического анализа работ Стрыйковского следует подчеркнуть огромную заслугу Радзишевской в исследовании творческого наследия Стрыйковского, поскольку именно она издала с научными комментариями обширное произведение хрониста «О началах...», а также монографию о нем, в которой указала направление будущих исследований.

В Москве была издана еще одна источниковедческая работа, относящаяся к исследованию наследия Мацея Стрыйковского. Это небольшая публикация Д. Александрова и Д. Володихина о «Кроничке русской», находящейся в четвертом разделе, пятой книги хроники 1582 г., посвященной междуусобицам сыновей Владимира Святого и периоду от поражения Болеслава Кривоустого под Галичем в 1139 г. [79. С. 70–74]. Авторы исследования предполагают, что среди источников хроники мог быть так называемый «Рогожский летописец», либо какой-то другой, содержащий смоленскую информацию.

Однако наиболее полно исследовал источники «Польской хроники» Мацея Стрыйковского в начале XX в. преподаватель гимназии во Львове Эдмунд Пуцинский. Его работа «Kronika Macieja Strykowskiego. Rozbiór krytyczny» (рукопись Библиотеки ПАУ и ПАН в Кракове, № 7978) была выполнена под руководством профессора Зенона Александровича. Рукопись Пуцинского – это дар ксендза Генриха Фросса, вероятно, краковского иезуита. Она представляет несколько тетрадей – черновиков и чистовиков, – написанных довольно небрежно, не всегда разборчивым почерком. Очевидно, следовало бы поискать машинописный вариант этой работы. Возможно, он находится во Львове. Некоторые тетради не пронумерованы, кроме того имеются отдельные листы, также не пронумерованные. Это обстоятельство усложняет цитирование и ссылки на рукопись. О цели исследования автор писал: «Данная работа должна показать, сколько в ней (“Польской хронике”. – А.С.) правды и определить значение хроники Стрыйковского как для истории, к которой она в первую очередь принадлежит, так и для литературы, к которой мы должны ее относить как памятник польской прозы XVI в.» [54. S. 9].

Пуцинский исследовал генезис «Польской хроники», начиная от «Sarmatiae Europaeae descriptio» (на эту работу Стрыйковский получил королевскую грамоту) через «Гонец добродетели», заканчивая работой «О началах...», информацию о которой незадолго перед этим опубликовал С. Пташицкий [55. S. 220–246].

Пущинский, сравнивая раннюю работу Стрыйковского «О началах...» и «Польскую хронику», заметил, что «русская история» (т.е. история Древней Руси) в первой занимает меньше места, чем во второй. Здесь также отсутствует перевод «Прусской хроники» Дуйсбурга, которая в издании «Польской хроники» заняла практически всю седьмую книгу.

Начав сопоставлять известия Стрыйковского с его же собственными ссылками на источники, Пущинский обратил внимание, что несмотря на то, что Стрыйковский 25 раз упоминает имя Винцента, называемого Кадлубком, в качестве своего информатора, его сочинения не читал, по крайней мере не имел под рукой, когда писал свою хронику. Не знал он в точности и сочинений Галла Анонима и Межвы («Miagesius»), которым не был известен такой легендарный персонаж как Мосох. Стрыйковский же ссылаясь на них, упоминая о Мосохе [3. S. 91]. Чаще всего он цитирует их вслед за Мартином Кроммером. Пущинский, демонстрируя компиляционный характер произведения Стрыйковского, утверждает: «Цитирует того, кого знает, либо того, о ком слышал» [5. S. 29].

Львовский исследователь рассмотрел отношение Стрыйковского к работам Длугоша, Меховского [56], Кромера [57] и Бельского [58], а также Дециуса [59] и Герберштейна [60] и пришел к выводу, что хронист не мог или не хотел опереться на первоисточник. Зная, что Кроммер и Меховита использовали Длугоша, а Бельский – Ваповского (относительно чего, впрочем, заблуждался), он должен был обратиться к Длугошу и Ваповскому, а Кромера и Меховиту использовать там, где они дают собственную информацию. Но Стрыйковский этого не сделал. Он даже пользовался сочинением малоизвестного историка Гербурта [61], который признавался, что «имитирует» Кромера. Однако это еще отнюдь не свидетельствует о том, что наш историк искал легких путей. Важно разобраться в каждом конкретном случае, почему он это делал.

Пущинский считал, что Стрыйковский не пользовался непосредственно «Историей» Длугоша, поскольку, во-первых, это было слишком большое произведение; во-вторых, мог прочесть у Кромера не слишком лестное мнение о Длугоше [54. S. 35]. На самом деле огромное рукописное сочинение Длугоша, которое всего в нескольких списках находилось в разных книгохранилищах [62], все же было труднодоступно для находящегося в Литве историка. Однако, как показывает Пущинский, есть известия, которые взяты Стрыйковским непосредственно из «Истории» Длугоша. Возможно, он читал ее и делал выписки еще ранее, например, находясь в Кракове в 1574 г. Так, на с.114 первого издания «Польской хроники» Стрыйковский сообщает: «Пишет Длугош в хронике своей на листе 25, в первой книге, што Одонацер, русский князь, захватил Рим и держал его. То же самое я нашел у Волатерана, кн.2; но он называет этого князя именем Одоацер, немного изменив, однако не русином его называет, а итальянцем, и якобы с помощью готов Рим взял и правил в нем 14 лет. А по этому поводу пусть Длугош з Волатераном спорят, я в их дела не вмешиваюсь».

Другим следом Длугоша в хронике Стрыйковского можно считать информацию о том, что «есть письма [...] Данилы, русского короля, предка князей Острожских, к папе Иннокентию, широко описанные у Длугоша в хронике; а также которые (письма. – А.С.) папа к Даниле писал красивыми словами, напоминая, чтобы верно в своем христианстве и королевском состоянии пребывал» [3. S. 291]. Длугош несколько напутал с датами, сообщая под 1246 г. о том, что Данила умолял папского легата Опино короновать его, а затем под 1249 г., что папа назначил Альберта архиепископом русским к князю Руси Данилу, но тот отказался подчиниться Иннокентию IV и выпроводил легата от себя [63. С. 295]. Стрыйковский позаимствовал у Длугоша информацию о событиях 1246 г., а также о коронации Данилы в 1253 г. в Дрогичине, причем сослался по своему обыкновению на Длугоша, Меховского и Кромера [3. S. 291].

Сообщения Стрыйковского о Миндовге носят как реальный, в целом исторический, так и легендарный характер. Источниками сообщений служили восточнославянские летописи и польские хроники. Под восточнославянскими следует понимать прежде всего галицко-волинские и белорусско-литовские летописи («Хроника Быховца»). Разумеется, что более близкие по времени – галицко-волинские – более точные и достоверные. Белорусско-литовские имеют искусственный характер, т.е. являются в сущности хрониками – произведениями, специально скомпонованными из сообщений «южнорусских» летописей и легендарной части так называемого второго летописного свода.

Историю Галицко-волинского княжества Стрыйковский широко освещает в соответствии с древнерусскими летописями на фоне истории Киевского княжества, Королевства Польского, борьбы с половцами и литовскими племенами. Он мастерски связал смерть Романа Галицкого под Завихостом 13 июня 1205 г. и наступивший разлад между русскими князьями с усилением литовских племен, которые якобы возглавляли легендарные князья Живибунд с Монтвиллом [3. S. 215]. Интересно отметить тот факт, что начальные страницы собственно истории Литвы Стрыйковский описывает в стихотворной форме, что он обычно практиковал в случаях особо патетических, важных для исторической памяти. При этом добавляет на полях: «Великие государства гибнут, а малые и никчемные процветают» [3. S. 216], под «великими государствами» понимая, по-видимому, Киевское княжество, а под малыми – Литву.

В подтверждение своих слов Стрыйковский призывает в свидетели Винцента Кадлубка, Длугоша и Меховиту. Однако ссылается только на Меховиту (fol. 114, lib. 3, cap. 29), ибо из трех названных читал и имел под рукой только последнего. Тут же он отмечает, что «около этого времени имя народа литовского, ранее не знакомое, впервые дало знать о себе, которые, когда невольниками русскими были, вместо податей веники, лыко и шкуры звериные каждый год платили» [3. S. 216] (легенда о вениках и лыке была знакома также Мартину Бельскому).

Сообщая об убийстве Романа Стрыйковский ссылается также на Кромера (in prima editione Croniconum fol.183, in secunda vero 126, lib.7) [3. S. 216].

Выводя на рампу восточноевропейской истории Миндовга, Стрыйковский совершенно справедливо заметил, что «иные летописцы того Миндовга не упоминают, заканчивая царствованием Рынгольта» [3. S. 252–253]. Действительно, списки первого и второго летописного сводов не знают Миндовга, он появляется только в третьем своде – «Хронике Быховца». Так что источником сведений об основателе ВКЛ для Стрыйковского послужили прежде всего польские хроники.

Непосредственно из «Истории» Длугоша взята информация о Городельской унии 1413 г. и грамоте Витовта, по которой литовские роды приняли польские гербы, начиная со слов: «Praeterea Nos Alexander alias Witowdus de consensus Serenissimi etc.» [4. S. 148]. В конце этого отрывка Стрыйковский от себя прибавляет: «А тут каждый по гербе может найти своих предков» [4. S. 149].

Приводя «Длугошево и Кромерово мнение о Литве» [3. S. 48], Стрыйковский не видел никакого различия между ними («Длугош пишет в своей Хронике то же, что и Кромер lib.3 fol.61 primae, secundae vero editionis 24 folio, подтверждает»). А разница была принципиальная, например, в отношении Палемона (Публия Либона) – центральной фигуры белорусско-литовского летописания, «родоначальника» литовской знати. Длугош вообще его не знал, также как и Меховита. Впервые о нем в печатном издании упоминает Кромер, а уже от него, найдя это имя в летописях, в том числе летописи, подобной «Хронике Быховца», Либона (Публия Либона, Палемона) ввел Стрыйковский [64. S. 178–184]. Однако он не сравнивал не только Длугоша с Кромером, но и Длугоша с Меховским (Меховитой). Часто Стрыйковский отмечал ошибки Меховиты, не ведая, что это на самом

деле ошибки Длугоша, которые Меховита механически списал. Так, он сетовал, что Мацей Меховский пишет, будто «итальянцы самые первые построили город Вильно [...] а от имени князя Вилюса [...] называли Вильно» [3. S. 49], не зная, что об этом писал Длугош. Или, например, ошибку Меховиты о смерти Гедимина в 1307 г. считает опечаткой или опиской писаря, не догадываясь, что виноват в этом Длугош [66. IX. S. 60]. Впрочем, далее Меховита пишет под 1329 г. о Гедимине как о вполне живом союзнике Владислава Локетка и Карла Венгерского в войне с крестоносцами.

Стрыйковский писал: «Первым литовским епископом был некий Витус, неизвестно немец или поляк» [3. S. 289]. Действительно, ни Кромер, ни Меховский не говорили о национальной принадлежности Вита, однако Длугош сообщал, что первого литовского епископа посвятил папский легат Опизо в деревне Козлово, и был он поляком-доминиканцем [65]. Тем не менее Стрыйковский всюду ссылаясь на свидетельства Длугоша, так как знал, что последний являлся информатором и Кромера, и Меховского. Но иногда ошибался, как, например, в эпизоде с бунтом смолян в 1440 г. и усмирением их Казимиром Ягеллончиком [4. S. 208–209], о чем Длугош не писал, а Кромер взял информацию непосредственно из белорусско-литовских летописей. Стрыйковский же ссылаясь на *Cromerus lib.21* и Длугоша.

При этом хронист сопоставлял между собой Кромера и Меховиту, и о Меховите писал, что «у него каждую вещь, как в лабиринте нужно искать, так как все *confuso* написал, а одну и ту же вещь в четырех и в пяти главах разместил, разделяя ее, а мог бы в одной разместить» [4. S. 245]. Стрыйковский не знал, что подобный хаотичный порядок был следствием того, что Меховита использовал иной, не хронологический, способ описания фактов. Стрыйковский же, очевидно, полагал, что невозможно писать историю иначе, как всем известным хронологическим способом. Пущинский отмечает, что влияние Меховского и Кромера на Стрыйковского можно отделить, хотя оба они до 1480 г. использовали информацию Длугоша, однако не одну и ту же [54. S. 44]. Более критический Кромер гораздо тщательнее ее отбирал, главное внимание сосредоточивая на истории Польши, а о Литве и Руси сообщал преимущественно, когда события касались Польши. На счастье Стрыйковского, Меховита был менее избирателен и последователен. У него наш хронист позаимствовал множество известий о литовской и русской истории, когда ему не доставало информации, содержащейся в летописях. Начиная с четвертого раздела пятой книги хроники, т.е. с первого поражения «руссиков» от половцев в 1058 г. [3. S. 169], Стрыйковский постоянно придерживался хроники Меховского. Иногда он вынужден был сопоставлять информацию различных авторов, чтобы указать правильную дату, поскольку у Меховита она отсутствовала. Например, поход русских князей Владимира, Давида, Олега, Володаря и Ярослава 1101 г. (у Кромера «*roku drugiego*» [67. S. 211]) Стрыйковский из-за отсутствия даты у Меховиты ошибочно датирует на 20 лет раньше [3. S. 172–173; 54. S. 48].

Сухую информацию Меховиты он основательно разбавляет собственными замечаниями. В разделе «О поражении половцев» Стрыйковский пишет: «За половцами [...] прусы и язычники литовцы с ятвягами (как Длугош и Винцент Кадлубок, а также Меховиус свидетельствуют) на Русь в большом количестве пришли 28 августа лета Господня 1089, и вдоль и поперек русские княжества около Луцка, Владимира и Львова разорив, с огромной добычей вернулись восвояси» [3. S. 175]. Об этом походе прусов говорил Меховский, не упоминая, однако, литовцев, ятвягов и населенные пункты (Кадлубок, естественно, об этом молчал). А весь этот эпизод, взятый Меховским у Длугоша всего лишь курьезная ошибка: длугошове «прузы», на самом деле – саранча [48. S. 138–139]. Стрыйковский же своим, одному ему характерным способом, придал в союзники этим мифическим прусам литовцев и ятвягов, в качестве «родственных народов», спеша вывести их на международную арену.

Э. Пущинский иногда защищает Стрыйковского. Так, он пишет, что временами Стрыйковский бывал более критичен, чем его предшественники, и приводит пример, как Длугош, а за ним Меховский два раза упоминали об одном и том же факте под разными датами. Описание похода Эльнера, коменданта Балги, на Подляшье и поджог замка Дорсунь комендантом из Инстербурга Меховский и Длугош повторяют дважды – под 1370 и 1371 г., а Стрыйковский пишет об этом только раз [4. S. 48–49].

Длугош сообщение построил на «Хронике» Виганда из Марбурга. По сведениям последнего, все происходило в 1370, возможно, в 1371–1372 гг. Длугош второй раз поместил эти события также под 1371 г. потому, что у Виганда подаются два похода Кейстута – в 1370 и 1371 г. На самом деле был только один поход в 1372 г., как свидетельствовал Герман Вартберг в «Хронике Ливонии», и с чем согласились А. Семкович и Т. Хирш [66. S. 33, 35].

Однако Пущинскому не удалось до конца разобраться в хитросплетениях рассказов Длугоша и Стрыйковского, поскольку для критического анализа он использовал только работы двух последних, а следовало также сравнить их с Вигандом и Вартбергом, чтобы окончательно прояснить картину.

А вот о смерти брата польского короля Владислава Локетка, ленчицкого князя Казимира, Стрыйковский пишет два раза (под 1294 и 1304 г.), от себя прибавляя: «Владислав Локеток, по словам Меховского, должен был иметь двух братьев Казимиров» [3. S. 344]. Для сравнения, ни одно из курьезных повторений Длугоша не попало в хронику Мартина Кромера, который был куда более критичным автором, чем Меховский и Стрыйковский [49. S. 49].

Кстати, Кромер был вторым по важности после Меховского историком, информацию которого заимствовал Стрыйковский, который из его хроники взял все сведения об истории Польши и отношениях Польши с Русью и Литвой. Пущинский предполагал, что начиная с раздела 13 Кромер стал главным источником для Стрыйковского [54. S. 63]. Базельские издания Кромера 1555 и 1568 г. он точно имел под рукой. Причем читал их внимательно и критически. Так, например, Кромер, на основании документа, который неправильно прочитал [49. S. 88], наперекор Длугошу утверждал, что во время похода Казимира Великого с Людвигом Венгерским на Литву в 1351 г. в польский плен попал князь Любарт, а не его брат Кейстут [67. S. 618–619]. Стрыйковский не пошел вслед за Кромером, а принял сторону Длугоша и Меховского, которые утверждали, что это был Кейстут, и привел свои доказательства: Любарту не надо было клясться, что примет христианскую веру, поскольку он уже был христианином [4. S. 29].

В этом же месте Кромер сообщил о том, что Любарт, освободившись из неволи, напал на Русь, занял и сжег Владимир. Он обратил внимание читателя, что Длугош вместо Владимира назвал Галич, а ошибку приписал писарю: слишком уж далеко от Литвы находится Галич, пограничный с Венгрией и Валахией. Это предположение, видимо, не убедило Стрыйковского. Он написал, что Любарт не только захватил и спалил Владимир, но также опустошил «галицкие волости, хотя они далеко от Литвы, на венгерских и валахских рубежах, находятся» [4. S. 29]. Венгрия владела некоторыми замками на Волыни и Покутье. После смерти Людовика Венгерского ими владел луцкий князь Любарт. Между прочим, речь шла о Снятыне и Рогатине. Кромер предполагал [67. S. 682], что Длугош перепутал Снятынь с Рогатином, так как Снятынь находится далеко от Литвы. Стрыйковский же и Снятынь, и Рогатин отдал Любарту [4. S. 69].

Также произвольно, хотя и немного более критично, Стрыйковский сопоставлял документ, приведенный Кромером и известие Длугоша о договоре Скиргайлы и Витовта. Кромер под 1393 г. сообщает со ссылкой на Длугоша и Меховиту о стычках между Свидригайлом и Скиргайлом, с одной стороны, и Витовтом – с другой. Оба брата Ягайлы чувствовали себя обиженными королем, оттого что

тот возвысил Витовта, передав ему власть в ВКЛ. Поэтому король, желая сгладить внутренний конфликт, собрался с королевой Ядвигой в Литву, помирил Скиргайлу с Витовтом (Свидригайло сбежал к крестоносцам), дав Скиргайле Кременец, Стародуб и Старые Троки. Эту информацию повторяет Стрыйковский под 1393 г., цитируя по примеру Кромера Длугоша и Меховского. Кромер же кроме Длугоша, имел под рукой документ, о котором не преминул упомянуть: «Еще есть грамоты Витовта, в которых он подтверждает, что помирился со Скиргайлом и поклялся вместе помогать ему против любого неприятеля, кроме короля польского; при этом признается, что Киевскую державу, хотя ее с помощью оружия приобрел, однако должен ему и потомкам его уступить вечным правом. Кроме того, король Владислав с разрешения одного Кременец и Стоско ему даровал, поскольку он свою вотчину ради него уступил» [67. S. 736]. Стрыйковский относит этот документ к 1392 г., когда Витовт стал великим князем литовским.

Кромер два раза описал один и тот же поход Витовта против татар: под 1394 г. (на основе белорусско-литовской летописи) и под 1397 г. (на основе Длугоша). Причем пошел на этот шаг сознательно, о чем и проинформировал читателей [49. S. 49]. Первое сообщение на основе летописи было ошибочным, поскольку Кромер неправильно его понял. Он написал, что Витовт с помощью своего военачальника Ольгерда разбил татар, убив троих военачальников, которым Подолье платило дань [67. S. 738]. В списках Красинского и Ольшевском находим эпизод из истории Подолья: «Коли пак князь великий Витовтъ поехал з Литвы до великого Луцка, а князь великий Ольгирдь пошел в поле з Литовским войском и побил Татаровъ на Синей Воде, оубил трех братьов Татарских князей» [72. С. 170, 453]. (В Супрасльской летописи и в «Хронике Быховца» это звучит: «Коли господарь былъ на Литовской земли князь великий Олгирдь, и шед в поле з Литовским войскомъ, побил Татаровъ на Синей воде трех братьовъ» [72. С. 81, 496]). Поскольку непосредственно перед сообщением о битве летопись, которой располагал Кромер, говорит о Витовте, то он, не разобравшись в чем дело, отнес приведенные здесь слова к Витовту, а из Ольгерда сделал его гетмана. В 1362 г. Ольгерд, победив татар под Синими Водами, присоединил Подолье к Литве [39]. Ошибка Кромера по-своему была исправлена Стрыйковским. Его фантазия разыгралась: он одну часть войска Витовта оставил под Смоленском, а другую отправил с Ольгердом на Дон: «Вторую же часть литовского и русского войска, поставив над ним гетмана Ольгерда, пана литовского, выправил Витовт в дикие поля, в Заволжскую и Задонскую орду, желая испытать татарскую силу и вывести их положение» [4. S. 111].

Если сравнить начало раздела «О разорении прусской земли Локетком» у Стрыйковского [3. S. 383] с описанием Кромера, то можно убедиться, что первый старается сократить текст второго. Так, он описывает поход Локетка с войсками венгров и литовцев в 1328 г. на крестоносцев. Объединенные войска ворвались в хелминский повет, опустошили его. До этого места текст Стрыйковского соответствует Кромеру. Но далее идет весьма свободный пересказ. Кромер писал, что король не решался брать замки из-за недостаточной подготовленности солдат к осадным операциям, распустил вспомогательные войска, а поляков вернул в Мазовию; и далее Кромер описывает стычки с крестоносцами, приход им на помощь короля Яна Чешского. Это происходило в 1328, 1329, 1330 г., когда Локеток с войсками поляков, венгров и литовцев под предводительством Гедимины, снова ворвался в хелминский повет. Стрыйковский эту информацию сокращает. При этом Гедимин, который участвовал в кампании 1330 г., у Стрыйковского погибает уже в 1328 г. (так в заголовке, в тексте – в 1329 г.), хотя у Меховиты он участвовал в походе 1330 г.

Аналогичным образом Стрыйковский описывал ситуацию после Грюнвальдской битвы в разделе «О возвращении замков и городов после победы, об осаде

Мариенбурга» [4. С. 139]. Он возвратил Витовта в Литву после захвата замка Радин, в то время как тот еще перед отступлением короля из-под Мальборка покинул лагерь. Стрыйковский не вдавался в причины, которые делали бесполезным захват Мальборка. Он коротко написал о том, как король отказался от осады, а на обратном пути взял замок Радин. Витовт с победой отправился в Литву, а сам Стрыйковский вернулся к описанию событий в Мальборке и рассказал о нападении магистра крестоносцев Германа на Пруссию, причем не понял всей важности тайных сговоров Витовта с Германом, умолчал также, что Витовт старался уехать из королевского лагеря, а в дополнение ко всему сделал ошибку, направив Германа с «500 рейтаров» в Мальборк.

Почему он прибег к такому приему, трудно сказать. Возможно, хотел представить осаду Мальборка в целостном виде, не прерывая описания деталями. Поэтому сразу объявил, что король Мальборка не взял и отступил, но потом вынужден был вернуться к событиям, которые произошли во время осады. Затем Стрыйковский должен был объяснить, что Герман «еще короля и польские войска» застал под Мальборком. Таким образом он, разрывая события, не представил их в логичном виде, а рассказал приблизительно и, как оказалось, невольно сфальсифицировал. Можно привести также несколько других мелких неточностей в тексте Стрыйковского, проистекавших от желания сократить при переводе латинский оригинал Кромера.

Кроме Меховиты и Кромера до 1506 г. Стрыйковский использовал «Хронику всего света» Мартина Бельского, а также он часто ссылается на Б. Ваповского [68], но в этом случае ситуация такая же, как и с Кадлубком. В «Хронике всего света» Стрыйковский увидел название раздела «Начинается Хроника Польская Берната Ваповского, когда-то прелата краковского костела» и подумал, что речь идет о переводе хроники Ваповского. Поэтому фактически это ссылки не на Ваповского, а на второе и третье издание «Хроники всего света» М. Бельского. Но последний закончил свое сочинение 1548 г., а Ваповский – 1535. Пользуясь хроникой Меховского, Стрыйковский должен был заметить, что до 1506 г. сообщения Бельского не отличаются от аналогичных у Меховского. Благодаря критическому анализу «Хроники всего света» и других произведений М. Бельского, сделанному Ю. Хшановским [69], мы можем с уверенностью сказать, что до 1506 г. главным информатором Бельского был Меховский. Когда однажды Кромер, говоря о дани в 100 тыс. червонных золотых, которую платил Литве Великий Новгород, сослался на Ваповского, то Стрыйковский сразу же сделал ссылку на Ваповского и Бельского, хотя последний этой детали не знал.

Зависимость хроники Стрыйковского от сообщений Бельского довольно значительна. Вслед за последним он описал правление Людовика Венгерского в Польше, принятие католичества в Литве, рождение четвертого сына Казимира Ягеллончика Александра и т.д. Архаичные польские выражения Бельского Стрыйковский заменил более современными. Он не ограничился только известиями Бельского, но также сравнил их с сообщениями Кромера, Меховского.

После написания раздела о событиях 1506 г. Стрыйковский не оставил хронику Бельского, как было в случае с Меховским и Кромером. Часто к ней обращался и далее. Но главным источником с этого времени на ближайшие десять лет (1506–1516) для него становится Й.Л. Дециус (Деций) [59]. Первое десятилетие правления Сигизмунда Старого на основе труда Деция описывал и Бельский, но Стрыйковский на этот раз обратился к первоисточнику. Работа Деция послужила основой для написания XXIII и значительной части XXIV книг «Польской хроники». Сначала Стрыйковский практически переводил Деция, затем начал сокращать. Таким образом он описал брак короля с Барбарой Запольяи, посольство Я. Лаского на Латеранский собор, знаменитый Венский съезд 1515 г. В случае с последним Стрыйковский имел и некоторую собственную информацию. Напри-

мер, поименно назвал «мазура Радзиминского», «Николая Радзивилла и Станислава Гаштольда, привезших из Польши более 100 музыкантов, по-московски, по-татарски и по-казацки одетых». Описание Оршанской битвы 1514 г. Стрыйковский заимствовал также у Деция [4. С. 378–384; 59. С. 29]. Позднее это место так понравилось Иоахиму Бельскому [70], что он отошел от текста отца из «Хроники всего света» и списал его со Стрыйковского, не подозревая, видимо, что первоисточником является Деций. Справедливости ради необходимо отметить, что Йост Людвик Деций пользовался материалами Мацея Меховского [71. S. 5–11]. Кароль Бучек предположил, что импульсом для написания хроники Меховским послужила блестящая победа литовско-польских войск под Оршей 8 сентября 1514 г. [71. S. 5].

Кроме Деция и Бельского после 1516 г. Стрыйковский использовал также сведения Герберштейна [60], которого ранее уже цитировал Бельский в разделе своей хроники о московском народе. Видимо, он имел базельское издание 1517 г. и пользовался им уже в «*Descriptio Sarmatiae*». В «Польской хронике» из Герберштейна взяты некоторые детали сюжета о Михаиле Глинском, описание положения Пскова, о приключении некоего Перстинского, о битве под Оршей.

До описания событий 1548 г. Стрыйковский еще часто использовал известия Бельского, иногда дополняя его информацией Герберштейна. Кое-где привел собственные данные, например, что под Стародубом в 1535 г. взято 60 000 московских пленных [4. S. 398]; о Елизавете – первой жене Сигизмунда Августа [4. S. 400]; о нападении татар в 1527 г., отбитом гетманом Константином Острожским (называет имена литовских панов, число войск и потерь) [4. S. 394] и т.д.

История Руси у Стрыйковского начинается только в IV книге «О Белой и Черной Руси». На самом деле она не ограничивается отдельными разделами, разнообразные «русские» сведения раскиданы по всему тексту. Под Русью историк понимал древнюю Киевскую Русь, т.е. территории современных Белоруссии и Литвы, а не Великого княжества Московского, граничившего с ВКЛ.

В этой же книге он поместил раздел под названием «О стародавних церемониях или скорее безумствах русских, польских, жмудских, литовских, ливонских и прусских обывателей-идолопоклонников», где описал языческие верования древних литовцев, пруссов и в значительно меньшей степени русинов и поляков. На мой взгляд, сам факт размещения этого раздела в книге, имеющей подзаголовок «Верные и доказательные выводы всех славенских народов», не случаен. Историософская концепция Стрыйковского еще далеко не изучена. Подбор фактов, их интерпретация, порядок изложения в главных исторических сочинениях хрониста не сводятся только к хронологическому принципу, но призваны показать общность традиций и верований населения ВКЛ. Для данного раздела источником послужила «Хроника Прусской земли» Петра Дусбурга, которую Стрыйковский ввел в научный оборот, опубликовав в сокращенном виде в первом издании своей хроники (но упоминал уже в работе «О началах...», что получил ее от «виленского пана» А. Ротундуса) [6. S. 203]. Однако большая часть известий о язычестве была почерпнута хронистом во время его путешествий по Литве и Белоруссии, где действительно были еще живы пережитки древних верований, легенды и предания, на основе которых Стрыйковский реконструировал пантеон языческих богов [27. S. 202].

До настоящего момента кроме несовершенных работ Ю.И. Крашевского и Э. Пущинского не существует фундаментального критического исследования «Польской хроники» 1582 г. Да и вряд ли он необходим в том виде, как это было принято в польской историографии XIX – начала XX в. Бесспорной заслугой Пущинского стал анализ известий польских хроник в сочинении М. Стрыйковского, однако он практически не обратил внимания на рукописные источники Стрыйковского. Мы не найдем у Пущинского конкретных ссылок на XVII том ПСРЛ,

в котором были опубликованы белорусско-литовские летописи, как, впрочем, и на другие тома этого издания. Есть упоминания о «Несторе» и «более поздних копиях Нестора» [54. S. 84]. Он привел слова Кромера о его летописных источниках: «Многие мужественные поступки, которые поляки совершали на Руси, они (летописи. – А.С.) замалчивают», и уточнил, что летописи, «видимо, не сильно отличались между собой в смысле содержания, и, что важнее, содержание их было достаточно убогим» [54. S. 114]. То есть исследователь явно недооценил восточнославянские летописные источники хроники Стрыйковского.

Пожалуй, сегодня можно утверждать, что после выхода в свет 32-го и 35-го томов ПСРЛ, а также после глубокого анализа летописных и иных источников Стрыйковского, появились основания для издания хроники Мацея Стрыйковского на белорусском (или любом другом) языке с тщательным научным аппаратом. Одновременно необходимо провести критический анализ других его сочинений с учетом всех его источников. На сегодняшний день еще недостаточно глубоко были исследованы хроники Меховиты, Ваповского, Деция, Кромера, а также хроники с территории ВКЛ и другие восточнославянские летописи, которыми пользовались польские хронисты. Успеха можно добиться путем выявления летописных источников в сочинениях Стрыйковского и их корреляции с дошедшими до нас сообщениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Starowski S.* Scriptorum Polonicorum Hekatonstas, seu centum illustrium Poloninae scriptorum elogia et vitae. Frankfurt, 1625.
2. *Strykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmódzka y wszystkiej Rusi... Królewiec, 1582.
3. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, poprzedzone wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozpawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań. Warszawa, 1846. T. 1.
4. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846. T. II.
5. *Gwagnin A.* Sarmatiae Europae Descriptio. Cracoviae, 1578.
6. *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Opracowała J. Radziszewska. Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1978.
7. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы Академика А.И. Соболевского. СПб, 1903.
8. *Казакова Н.А.* Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Мартина Бельского // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.
9. *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.
10. *Пташчыcki S.* Ruskie przekłady kronik Bielskiego i Strykowskiego // Pamiętnik Literacki. 1933. T. 30. Z. 1–4.
11. *Рогов А.И.* Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского // Археографический ежегодник за 1962 год (к 70-летию академика М.Н.Тихомирова). М., 1963.
12. *Radziszewska J.* Maciej Strykowski – historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978.
13. *Wojtkowiak Z.* Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: Kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990.
14. *Bardach J.* Kronika Macieja Strykowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji // Przegląd Historyczny. 1967. № 2.
15. *Bardach J.* «Ryskun» i szpieg. Z dziejów służby wywiadowczej w Wielkim Księstwie Litewskim XVI stulecia // Zeszyty Naukowe WAP. Seria historyczna. 1967. № 15(48).
16. *Bardach J.* Maciej Strykowski i jego twórczość w świetle najnowszych badań // Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Warszawa, 1970.
17. *Bardach J.* Rec.: J. Radziszewska. Maciej Strykowski poeta-historyk z epoki Odrodzenia // Kwartalnik Historyczny. 1979. № 86/1.
18. *Budka W.* Do życiorysu Macieja Strykowskiego. Sprostowania i uzupełnienia // Ruch Literacki. 1969. T. X.

19. *Kulisiewicz W.* Maciej Strykowski – renesansowy dziejopis Litwy // *Studia Zródłoznawcze*. T. XXV (1981).
20. *Jablonskis K.* Zinute apie Motiejų Strykovskį // *Archyvyne smulkenos. Praeitis*. Kaunas, 1933. T. II.
21. *Ptaszycki S.* Wiadomości bibliograficzne o rękopisie nieswieskim «Kroniki» M. Strykowskiego // *Pamiętnik Literacki*. Warszawa, 1903. Pok II.
22. *Sajkowski A.* Czytając Strykowskiego // *Pamiętnik Literacki*. T. 60 (1969). № 4; *Sajkowski A.* Nowe strykoviana // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. XXV (1981).
23. *Wojtkowiak Z.* Strykowski chyba nadal zagadkowy (w związku z pracą Julii Radziszewskiej, Maciej Strykowski – historyk-poeta z epoki Odrodzenia) // *Przegląd Historyczny*. № 1 (1980).
24. *Zaborskaite V.* Renesanso kultūros apraiskos M. Strykovskio «Kronikoje» // *Lietuvos TSR Mosklos Akademijos Darbai*, seria A-2 (12). Vilnius, 1965.
25. *Семянчук А.* Мацей Стрыйкоўскі ў Вялікім княстве Літоўскім // *Спадчына*. 1995. № 1.
26. *Семянчук А.* Удзел Мацея Стрыйкоўскага ў Інфлянцкай вайне // *Castrum, urbs et bellum*. Баранавічы: 2002.
27. *Семенчук А.* Фольклорные традиции Великого Княжества Литовского в польских хрониках XVI века // *Senosios rastijos ir tautosakos saveika: kulturine Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis / Senoji Lietuvos literatūra*. 6 knyga. Vilnius, 1998.
28. *Семянчук А.* Ігнат Даниловіч як даследчык беларуска-літоўскіх летапісаў // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1999. № 11.
29. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966.
30. *Рогов А.И.* Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // *Источники и историография славянского Средневековья. Сборник статей и материалов*. М., 1967.
31. *Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения*. М., 1976.
32. *Rogov A.I.* Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII wieku // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1965. Rocznik XIV. № 3.
33. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
34. *Borek P.* Ruś w Kronice Macieja Strykowskiego // *Szlakami dawnej Ukrainy*. Kraków, 2002.
35. *Goleman W.* Wielkie Księstwo Litewskie i jego mieszkańcy w oczach Macieja Strykowskiego // *Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy środkowo-wschodniej. Średniowiecze – początek czasów nowożytnych*. Lublin, 1996.
36. *Kiaupienė J.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės riterio vaizdinys Motiejaus Strykovskio tekstuose // *Kulturu Sankirtos*. Vilnius, 2000.
37. *Narbutas S.* History of the Grand Duchy of Lithuania in the works Motiejus Strijkovskis // *Martynas Mažvydas and Old Lithuania (collection of papers)*. Vilnius, 1998.
38. *Толочко О.* Український переклад «Хроніки...» Мацея Стрыйковського з колекції О. Лазаревського та історіографічні пам'ятки XVII століття (Український Хронограф і «Сінопсис») // *Записки Наукового Товариства імені Шевченка*. 1996. Т. 221.
39. *Шабульдо Ф.* Мацей Стрыйковский как историк Синеводской битвы // *Kulturu Sankirtos*. Vilnius, 2000.
40. *Мильников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начало XVIII века. СПб., 1996.
41. *Мильников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
42. *Карнаухов Д.* Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI века // *Вестник Евразии*. 2000. № 3; *Карнаухов Д.* Польский историк XVI в. Мацей Стрыйковский о происхождении восточных славян // *Российско-польский исторический альманах*. Ставрополь; Волгоград, 2006. Вып. 1.
43. *Нікалаеў М.* Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII ст. Мінск, 1993.
44. *De Scriptorum Poloniae et Prussiae historicorum... typis impressorum ac manuscriptorum in Bibliotheca Brauniana collectorum virtutibus et vitiis catalogus et iudicium*. Coloniae, 1723.
45. *Krawczyk A.* Inwentarz bibliograficzny w Kronice Macieja Strykowskiego // *Wspólnota pamięci. Studia z dziejów kultury ziem wschodnich dawnej Rzeczypospolitej*. Katowice, 2006.
46. *Daniłowicz I.* Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, Wilno 1827.
47. *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza do roku 1384. Kraków, 1887.
48. *Borzemski A.* Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny. Rozprawy AU Wydział Historyczno-Filozoficzny. 1891. T. XXVI.
49. *Finkel L.* Marcin Kromer historyk polski XVI wieku. Rozbiór krytyczny. Kraków, 1883.
50. *Lukas S.* Rozbiór podługoszowej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. Kraków, 1880.
51. *Kraszewski J.I.* Maciej Strykowski i jego Kronika // *Wizerunki i Roztrząsania Nauk. Poczet nowy drugi*. 1839. T. 10.
52. *Barwiński E.* Z nieogłoszonych autografów J.I. Kraszewskiego // *Nowe Słowo polskie*. № 101 (1902).

53. *Kraszewski J.I.* Wilno od początków jego do roku 1750. Wilno, 1840. T. 1.
54. Biblioteka PAU i PAN. № 7978.
55. *Ptaszycki S.* Wiadomości bibliograficzne o rękopisie nieswieskim «Kroniki» M. Strykowskiego // Pamiętnik Literacki. Warszawa, 1903. Rok II.
56. *Maciej z Miechowa.* Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.
57. *Kromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Bazilea, 1555, 1558, 1568.
58. *Bielski M.* Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1551, 1554, 1564.
59. *Decii J.L.* De Sigismundi regis temporibus. Krakow, 1521; *Decii J.L.* De Sigismundi regis temporibus liber. Kraków, 1901 (Biblioteka pisarzy polskich).
60. *Herberstein J.* Rerum Moscoviticarum commentarii. Basilea, 1517.
61. *Herburt.* Chronica sive historiae Polonicae...descriptio. Kraków, 1571.
62. *Dymmel P.* Tradycja rękopiśmienna Roczników Jana Długosza. Warszawa, 1992.
63. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
64. *Семянчук А.* Роля рымскай легенды ў фармаванні дзяржаўнай ідэалогіі Вялікага Княства Літоўскага // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2002. T. 18.
65. *Jana Długosza.* Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1974. Ks. 7.
66. *Jana Długosza.* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1975. Ks. IX; Warszawa, 2009. Ks. X (1370–1405).
67. Kronika Polska Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego. Księg XXX. Dotąd w trzech językach, a mianowicie w Łacińskim, Polskim i Niemieckim wydana, na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błazowa Błazowskiego i wydana w Krakowie w drukarni M. Łoba r.1611. Sanok, 1857.
68. *Wapowski B.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Wilno, 1847. T. 1.
69. *Chrzanowski J.* Marcin Bielski. Studium historyczno-literackie. Lwów; Warszawa, 1926. Wyd. II.
70. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach.Bielskiego syna jego wydana. Cum gratia et priuilegio S.R.M. W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera. Roku Pańskiego 1597.
71. *Buczek K.* Maciej Miechowita i pisma historyczne J.L. Decjusza. Małopolskie Studia Historyczne. I. 1958. № 2.
72. Полное собрание русских летописей. М., 1907. Т. 17.
73. *Batura R.* Lietuvos metrasciu legendines dalies ir M.Strijkovskio «Kronikos» istoriskumo klausimu. Lietuvos TSR Mosklos Akademijos Darbai. Vilnius, 1966. Seria A. T. 2 (21).
74. *Jucas M.* Lietuvos metrasčiai. Vilnius, 1968.
75. *Kuolys D.* Asmuo, Tauta, Valstybe Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorinėje literaturoje. Vilnius, 1992.
76. *Wojtkowiak Z.* «Starodawny historyk», «stary komentarzyk» – dwa zapomniane źródła Strykowskiego // Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich. Poznań, 1984.
77. *Pawlikowska W.* Kanonik Wojciech Grabowski z Sierpca – zapoznana postać szesnastowiecznego Krakowa i Wilna // Lituan-Slavica Posnaniensia. 2005. T. 11.
78. *Radziszewska J.* Maciej Strykowski a latopis Bychowca // Sprawozdania z posiedzeń naukowych PAN w Krakowie XII (1967). Kraków, 1969.
79. «Русская хроника» Стрыйковского // Вестник Московского Университета 2. М., 1993. Серия 8: История.
80. Księga pamiątkowa Koła Historyków słuchaczy Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie 1923–1933. Wilno, 1933.